

Дань-Дань начал ворочаться, пытаясь заставить Янь Сюя ослабить хватку.

— Папа! Дань-Даню больно! Больно!

Только когда Дань-Дань начал отчаянно вырываться, Янь Сюй наконец очнулся и разжал руки. Дань-Дань спрыгнул на пол.

Но он не рассердился. Чутко уловив эмоциональное смятение Янь Сюя, он медленно подпрыгнул и потёрся о его брючину.

— Папа, не бойся, с тобой Дань-Дань! Дань-Дань всех плохих сожжёт!

Никто не сможет тебя обидеть, даже дядя Пися!

Янь Сюй присел, обнял Дань-Даня и принялся повторять извинения.

— Ладно, папа, не капризничай, Дань-Дань не сердится! Папа самый лучший!

Охваченный чувством вины, Янь Сюй наконец-то приготовил для Дань-Даня вождеденную газировку. Хотя порция была мизерной, Дань-Дань остался более-менее доволен.

— Газировка — это самое лучшее! — с наслаждением покатавшись в миске, Дань-Дань постарался, чтобы каждая его часть пропиталась напитком.

Пока Дань-Дань наслаждался, Янь Сюй занялся уборкой. Есть он не мог, и ему нужно было чем-то занять себя, чтобы отвлечься. Подмести пол — и он принялся разбирать шкаф, где хранились вещи, крайне важные для него.

— Нефрит, что был с ним, когда его подкинули к воротам приюта.

Он давно не открывал этот шкаф, ведь воспоминания о том, как его бросили родители, были для него незаживающей раной. В детстве он постоянно думал, что, возможно, сделал что-то не так, или что его родители могли оказаться в беде и были вынуждены оставить его.

С течением времени, особенно после появления Дань-Даня, Янь Сюй наконец понял: если родители действительно любят своего ребёнка, они никогда не отпустят его, что бы ни случилось.

Янь Сюй открыл шкаф и достал коробку с нефритом.

Только взяв её в руки, он замер. Даже не открывая, он почувствовал — вес иной.

Она была пустой.

Его руки задрожали, когда он открыл коробку. Внутри действительно ничего не было.

Это чуть не свело его с ума. Он перерыл весь дом, обыскал каждый угол, даже вывернул мусорное ведро.

— Тщетно.

К глубокой ночи в доме царил полный хаос. Всё встало с ног на голову, ни одна вещь не осталась на своём месте. словно после землетрясения. Одежда валялась повсюду, обувь была разбросана у входа, телевизор стоял на полу.

Янь Сюй сидел на диване, глаза его ныли, а голова откинулась на спинку. Дань-Дань прижался к его руке. Он не понимал, что случилось с папой, но чувствовал его подавленность.

Хотя Янь Сюй всегда твердил себе, что родители его бросили, что для них он был лишь обузой, сейчас он не мог сдержать печали.

Он мысленно перебрал всех, кто недавно бывал у него дома: Цзин Цичэнь, тётушка Чэнь и Сяо Дуньэр.

Стало быть, если нефрит действительно украли, то виновен либо Цзин Цичэнь, либо тётушка Чэнь. Сяо Дуньэр всё время был у него на виду. Если бы он не обыскал весь дом вдоль и поперёк и не убедился, что нефрита нет, он бы не стал никого подозревать.

Ведь обвинение в краже — дело серьёзное.

Янь Сюй также понимал, что для обвинения нужны доказательства.

Он не стал звонить в полицию, боясь, что существование Дань-Даня раскроют.

Тем временем Цзин Цичэнь, сидевший в своём кресле из тунгового дерева, чихнул и с удивлением потрогал затылок:

— Почему-то кажется, будто кто-то думает обо мне.

На журнальном столике зазвонил телефон. Цзин Цичэнь не стал брать его в руки — аппарат сам поднялся к его уху, и кнопка ответа нажалась сама собой.

— Босс! — вновь раздался тот же шумный голос.

Цзин Цичэнь вздохнул:

— Сколько раз я говорил, не называй меня боссом. Господин Цзин.

— Так точно, босс! Я кое-что выяснил!

На этот раз Цзин Цичэнь не стал поправлять подчинённого, лишь вздохнул:

— Что именно?

— Лиса больше не на запретной горе. Кто-то снял печать.

— Снял? — Цзин Цичэнь усмехнулся. — Наверняка заплатил высокую цену.

— Мы обнаружили двенадцать скелетов детей — мальчиков и девочек — и подношения. Они использовали древний метод.

— Печать продержалась тысячу лет, вряд ли у него осталось много сил. Не стоит беспокоиться, — Цзин Цичэнь не придавал этому значения. — А ту семью по соседству со мной ты проверил?

Подчинённый замаялся, явно забыв об этом:

— Сию минуту займусь!

— погоди, — Цзин Цичэнь добавил, — Заодно проверь Янь Сюя.

— Босс, разве он не человек? Зачем его проверять? — Подчинённый явно не понимал.

Но, не дожидаясь ответа, тут же сказал:

— Хорошо, займусь!

Цзин Цичэнь положил трубку и задумчиво погладил подбородок, глядя в окно.

Ему казалось, что Янь Сюй — не такой, как все.

Последние несколько дней Янь Сюй думал о нефрите и не обращал внимания на дела тётушки Чэнь, поэтому, когда она снова пришла к нему, он был ошеломлён. Он не мог поверить, что перед ним стоит тётушка Чэнь.

Пусть она никогда не была красавицей, её кожа, испорченная постоянным контактом с кухонным чадом, была жёлтой и грубой, но сейчас она выглядела совсем иначе.

— За несколько дней она превратилась в кожу да кости. Её тело словно иссохло, кожа обвисла, и, когда она протянула руку, Янь Сюю показалось, будто перед ним скелет, — её пальцы стали тонкими, как куриные лапки, и сквозь кожу просвечивали кости.

— Сяо Янь, твой брат Чэнь уже три дня не возвращается домой, — тётушка Чэнь держала в руке полиэтиленовый пакет и говорила бессвязно. — Он бросил нас, меня и Сяо Дуньэра.

Янь Сюй был шокирован. Он открыл дверь, и тётушка Чэнь, словно в трансе, вошла в дом. Она села на диван, её тело дрожало, и она даже не могла удержать стакан с горячей водой, который он ей подал. Янь Сюй подумал, что, возможно, температура кондиционера слишком низкая, и увеличил её. Однако состояние тётушки Чэнь не улучшилось.

По логике вещей, после стольких дней она должна была успокоиться и начать искать решение проблемы, но сейчас она, казалось, не могла выйти из состояния шока после измены брата Чэня. Она словно застряла в тупике, и, несмотря на все попытки Янь Сюя помочь, он не знал, что ещё можно сделать.

— Тётушка Чэнь, — прервал её бессвязную речь Янь Сюй, — Вы подумали о Сяо Дуньэре?

— Брат Чэнь так долго не возвращается домой, а вы в таком состоянии. Разве Сяо Дуньэр не напуган? — Янь Сюй смотрел ей в глаза. Его тон не был ни мягким, ни жёстким, он искренне хотел, чтобы она выбралась из тьмы. — Если вы решили уйти от брата Чэня, не колеблись. Если решили простить его, не губите своё здоровье.

Тётушка Чэнь смотрела на него пустым взглядом, словно не понимая, о чём он говорит. В её глазах не было ни капли жизни:

— Я убила перепёлку.

Янь Сюй не понял.

Что плохого в том, чтобы убить перепёлку для еды?

Тётушка Чэнь продолжила:

— Я не могу вернуться назад.

Что такого в убийстве перепёлки, что нельзя вернуться?

Янь Сюй чувствовал, что не может понять её логику, и с трудом спросил:

— Тётушка Чэнь, я советую вам обратиться к психиатру.

Она горько усмехнулась:

— Ты тоже думаешь, что я сошла с ума?

— Я не сумасшедшая! — внезапно закричала она, словно в припадке. — Я знаю, что делаю! Я должна убить её! Иначе старый Чэнь не вернётся! Он любит меня! Просто эта стерва его околдовала!

Возможно, для тётушки Чэнь, как бы брат Чэнь ни поступал, она не хотела его отпускать.

Янь Сюй не понял, что она имела в виду под «убить её». Только что она говорила об убийстве перепёлки, а теперь — так, будто убила человека. Янь Сюй подумал, что, возможно, эта перепёлка тоже была оборотнем. В его голове мелькнуло лицо Ан Цзяоцзяо. А учитывая, что брат Чэнь был куриным оборотнем, всё вдруг стало на свои места.

Измена среди оборотней, видимо, не менее серьёзна, чем среди людей.

Однако их методы решения проблемы кажутся более экстремальными. Неизвестно, правило ли это.

<http://bllate.org/book/15574/1386739>